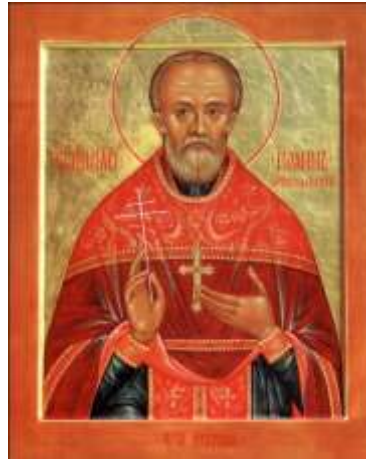

Священномученик Иоанн Артоболевский

На Архиерейском соборе, 20 августа 2000 года, в день памяти святителя Митрофана Воронежского, в лике святых был прославлен протоиерей Иоанн Артоболевский.

Священномученик Иоанн родился 9 января 1872 года в селе Проказна Лунинской волости Мокшанского уезда Пензенской губернии. Его дед был крепостным. По окончании церковно-приходской школы он принял сан священника и служил в родном селе Проказна. Интересно происхождение фамилии Артоболевских. При записи в школу у деда сщмч. Иоанна спросили: «Как, мальчик, твоя фамилия?» Услышав ответ: «Семён, сын Семёнов» — учитель схватился за голову и сказал: «Сегодня у меня уже записались семеро Семёновых! Не будешь ты Семёновым восьмым — дадим тебе другую фамилию. Будешь ты Булочников, а по-гречески — Артоболевский, так как артос по-гречески хлеб, а Полея — квартал в Константинополе, где пекут хлеб». Сын отца Симеона, Алексей Семенович тоже был священником. От брака с Елизаветой Ивановной в семье Артоболевских кроме Ивана было ещё трое детей: Сергей, Владимир и Елена.

Иван Артоболевский окончил духовное училище, затем Пензенскую семинарию. Это учебное заведение в те времена специализировалось на подготовке священнослужителей для Пензенской епархии. Из руководства семинарии того времени впоследствии выросла целая плеяда епископов и архиепископов Русской Православной Церкви. В семинарии преподавал известный историк В.О. Ключевский, который и в дальнейшем поддерживал дружеские отношения с отцом Иоанном. Из стен семинарии вышли такие знаменитые ученые, как композитор духовного пения А.А. Архангельский, церковный историк С.Т. Голубев — профессор Киевской духовной академии, библейский археолог И.Г. Троицкий — профессор Санкт-Петербургской духовной академии; в семинарии учился основатель отечественной нейрохирургии Н.Н. Бурденко. В пензенской семинарии учились и братья Ивана — Сергей и Владимир.

После семинарии в 1891 году И.А. Артоболевского как лучшего ученика, направляют на обучение за казенный счет в Московскую духовную академию (МДА). В 1895 году Иван Алексеевич оканчивает Академию в звании действительного студента, а через год представляет кандидатское сочинение и удостоивается звания кандидата богословия с правом на соискание звания магистра.

Пензенская семинария. XIX век

Еще в студенческие годы Иван Алексеевич слыл талантливым проповедником. На одну из его проповедей обратил особенное внимание И.В. Успенский — впоследствии священномученик Фаддей (Тверской), — учившийся тогда же в Академии. В своем дневнике И.В. Успенский записал, как Артоболевский говорил о призвании апостолов, «которое явилось важнейшим событием в их жизни. Каждому из нас также предстоит призвание, но так ли мы настроены, как были настроены апостолы при призвании? Апостол Петр, который был опытен в своем деле — в лове рыбы, — после чудесного лова, будучи призван, сознал полное свое бессилие. Мы при призвании слышим два голоса — голос разума и голос сердца. Первый говорит о нашей силе: мы изучили не одну лишь внешнюю сторону жизни, изучая историю, но и внутреннюю, изучая психологию, историю педагогики, предохраняющую от ошибок воспитания. Голос сердца говорит нам о нашем бессилии: готовы ли мы к самоотвержению, к признанию не важными интересов собственной личности, а важными — дела других? Выходит разлад, который поможет разрешить Священное Писание. Подобно апостолу Петру, мы должны оставить мысль подольше остаться в воспитанном в нас неведении, уяснить себе, что книги — не вечное наше достояние. Необходимо удовлетворить голосу сердца — развивать в себе самоотвержение, любовь и сострадание».

С 1896 года Иван Алексеевич служит в МДА, где его оставили по окончании обучения. В Академии он занимал несколько разных должностей: был помощником секретаря Совета правления МДА, исполнял обязанности помощника инспектора Академии, параллельно с этим преподавал географию в Филаретовском училище в Сергиевом Посаде, а также был преподавателем еврейского языка в Вифанской

Духовной семинарии. Здесь же преподавали братья его будущей супруги — Зинаиды Петровны. Иван Петрович и Николай Петрович Николины были хорошо образованными людьми: прекрасно знали философию, литературу, историю и другие гуманитарные науки. За добросовестный труд И.А. Артоболевского утверждают в чине коллежского асессора, вводят в состав Педагогического семинарского собрания, производят в чин надворного советника со старшинством.

Священник Иоанн Артоболевский с супругой Зинаидой Петровной. 1900-е годы

В 1899 году Иван Алексеевич получает звание магистра богословия. В своей магистерской работе «Первое путешествие апостола Павла с проповедью Евангелия»¹ И.А. Артоболевский собрал исчерпывающие для того времени сведения о странах и городах, где побывал апостол Павел во время своего первого миссионерского путешествия, дал тщательный анализ всех важнейших мест «Деяний апостолов», относящихся к этому путешествию, использовал обширную литературу, как древнюю, так и современную. В работе содержится анализ апокрифа «Деяния Павла и Феклы», причем автор показывает, что в основе легенды лежат подлинные исторические факты. В 1902 году И.А. Артоболевский был награжден орденом св. Станислава 3-й степени. В скором времени состоялось венчание Ивана Алексеевича и Зинаиды Петровны. В 1903 году в семье Артоболевских родился старший сын — Сергей.

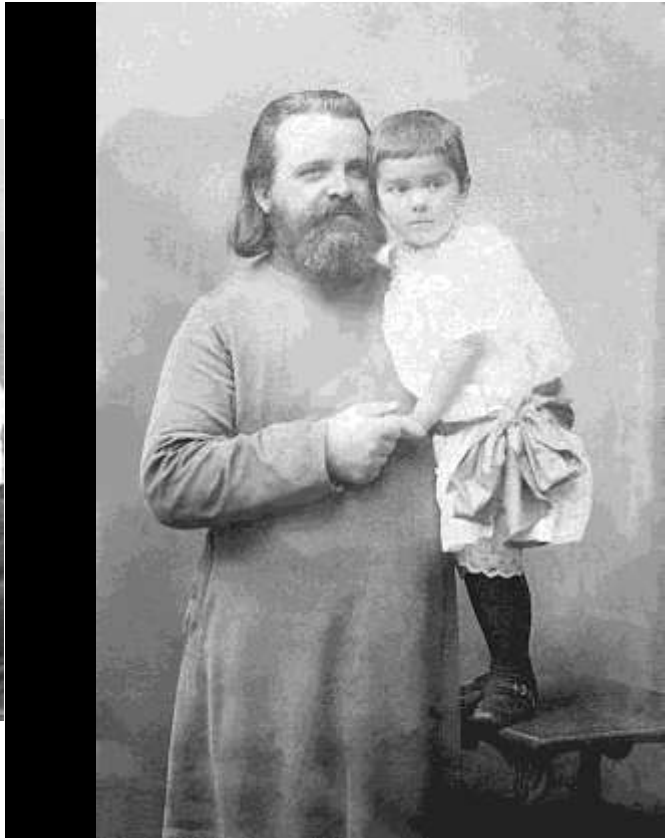
---

¹ Экземпляр этого труда хранится в приходском музее храма свт. Митрофана Воронежского в Москве.

Выпускники МДА 1905 года. Отец Иоанн стоит в центре

Преподавательская деятельность Ивана Алексеевича в Вифанской Духовной семинарии закончилась его рукоположением в сан священника. Это событие произошло 6 июля 1905 года, в день Собора Радонежских святых. Хиротония состоялась в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры, ее совершил высокопреосвященнейший Владимир (Богоявленский), митрополит Московский. После рукоположения отца Иоанна назначают настоятелем храма св. Марии Магдалины при Императорском Коммерческом училище на Остоженке. Семья Артоблевских переезжает в Москву. Здесь в сентябре 1905 года у них родился второй сын Иван. В Училище отец Иоанн был законоучителем; в то время жалование священнослужителям не полагалось, поэтому средства на жизнь зарабатывались преподаванием.

Семейное фото Артоболевских. Слева брат Сергей с супругой

Протоиерей Сергей Алексеевич с братом протоиереем Иваном Алексеевичем

Революционные события 1905–1907 годов коснулись и отца Иоанна. В 1907 году в Пензенской духовной семинарии произошел бунт семинаристов, сопровождавшийся беспорядками и покушением на ректора — протоиерея Петра Поздеева², который в связи с этим покинул

---

² Впоследствии он уклонился в обновленчество.

епархию. В разгар этой смуты на должность ректора семинарии был назначен архимандрит Николай (Орлов) — семинарский товарищ отца Иоанна. 18 мая 1907 года на архимандрита Николая было совершено покушение и он был убит тремя выстрелами из револьвера. Отец Иоанн приехал на отпевание своего товарища, которое совершил епископ Пензенский Тихон (Никаноров) — впоследствии тоже священномученик³. По случаю трагической смерти своего друга о. Иоанн Артоболевский произнес глубокую, трогательную речь.

Имеются сведения, что с 1907 году отец Иоанн служил в Александро-Невской церкви при Усачевском училище в Москве. В 1909 году он получает известие о кончине своего отца — протоиерея Алексея — и едет в Пензу на похороны. Отец Алексей (Артоболевский) был заштатным протоиереем Митрофаньевской кладбищенской церкви, в которой прослужил многие годы. Отпевание совершил Преосвященный Митрофан, он произнес прощальное слово, обращенное к близким: «Почивший отец протоиерей был так предан пастырскому служению, что и детей своих желал видеть пастырями Церкви, справедливо полагая, что высшее звание на земле — это звание священнослужителя. И Господь привел ему видеть священнослужителями всех сыновей своих: старшего сына — на месте служения в Москве, а младшего — приветствовать с посвящением в сан иерея за два месяца до своей кончины». Отец Иоанн сказал, что именно почивший отец, протоиерей Алексей, вместе с матушкой, научил своих детей молиться и трудиться. На отпевании отца Алексея присутствовало столько молившихся людей, что не все смогли поместиться в храме.

Храм святителя Митрофана Воронежского в г. Пензе

---

³ В 1920 году, когда Тихон (Никаноров) служил епископом в Воронежской епархии, большевики повесили его на воротах Благовещенского храма г. Воронежа.

Могила отца Алексея и матушки Елизаветы Артоболевских

В 1910 году отца Иоанна направляют в Петроград для участия во Всероссийском съезде законоучителей средних учебных заведений. Как педагог отец Иоанн придавал большое значение воспитанию молодого поколения, и в первую очередь — в духовно-нравственном аспекте. На съезде он произнес замечательную речь, актуальную и в наше время. Он сказал: «Дело воспитания! Не являются ли эти слова чуждыми для многих — теперь, когда и самоё рождение детей встречается не как благословение неба, не со слезами радости, а с искривленной улыбкой недовольства и неразумными словами ропота! Вот почему мы с лёгким сердцем от самой колыбели готовы всецело возложить дело воспитания на чужие плечи. Как будто труд наемника способен когда-нибудь заменить ласку матери или благоразумное руководство отца! В лучшем случае, принимая этот труд на себя, мы всеми силами стараемся облегчить его для себя; мы страшно боимся сделать из него подлинный и действительно достойный подвиг жизни; и мы вовсе не желаем, чтобы этим трудом нарушалось обычное, греховное, исполненное себялюбия течение нашей жизни. И в этих целях мы прибегаем к излюбленному с давних пор, обычному средству — учить и воспитывать словами, а не делом, не живым примером своей жизни. А между тем, кому же не известно, что устойчивое направление воли в сторону добра, любовь к добру производится ощущением действительного добра, когда оно открывается в нас как действующая сила? Сердце — источник духовной жизни; но исправить сердце одним учением нельзя: учением не дается живого расположения к добру. Как бы ни были красноречивы и убедительны наши суждения — при таких условиях они останутся бесплодными: сердце не слушает логики. Все это хорошо запечатлено в старинном и всем известном изречении: «Слова учат — а примеры влекут», побуждают, заставляют делать. Это положение настолько для всех очевидно и несомненно, что вскрывать его жизненную правду было бы просто странно. Мы указали бы на одно. Всем известно, что христианство — великая возрождающая сила в истории человечества; этого никто не отрицает. Но почему оно является таковым? Потому что за христианством, за Христовым учением стоит живая Личность Христа,

явившего миру всю силу, все величие и красоту добра. Какой бы след остался в сердцах людей от Его заповеди о любви и самоотвержении, если бы не было крестного подвига Христова, исполненного величайшей любви и самоотвержения! И дело воспитания, чтобы быть действительно плодотворным, должно являться для нас подвигом, исполненным самоотвержения. Воспитывая, мы должны неустанно и сами воспитываться, то есть стремиться искоренить из строя и обихода своей внутренней и внешней жизни все то, что способно исказить или затемнить те светлые и высокие идеалы, к которым мы так усердно призываем воспитуемых. Только в таком случае мы смогли бы изгнать из области воспитания другой великий грех, называемый ложью, который губит и опустошает детскую душу, как ржавчина губит стебель и колос растения. Мучительный, нередко и для нас, этот грех особенно часто имеет место в области воспитания религиозного, где он принимает и самые уродливые формы. У меня до сих пор ужасом звучит заявление одной матери, которая говорила — и без большого смущения, — что она “бегает на исповедь (это ее выражение) только ради своего сына”. Какое святотатственное оскорбление Таинства! И какое грубое непонимание детской души, до болезненности чуткой ко всему, что делают взрослые — особенно в сфере религиозной! Я хорошо, впрочем, сознаю, что здесь можно встретиться с резонным — на первый взгляд! — заявлением, которое выразилось бы приблизительно в такой форме: “Да, мы сознаем, как это ужасно, мы сами мучаемся этим. Но что же делать, если у нас нет глубокой и искренней веры? Нам тяжело это, мы желали бы верить, чтобы быть чуждыми этого мучительного раздвоения; но одолевают нас сомнения. Неужели мы должны слабость нашу делать очевидной для детского взора? Не лучше ли носить ее в себе, чтобы не лишиться детского доверия и не заронить в детскую душу зерна сомнения?” Мы лично не сумели бы иначе ответить в данном случае, как решительным заявлением: “Нет! Мы не должны бояться выносить наружу нашу слабость, наши мучительные сомнения, нашу борьбу душевную. Будем правдивы!” Доверие детей подрывается прежде всего и больше всего нашей неискренностью, неправдивостью. Если только мы искренни в нашей слабости, в наших сомнениях, если мы тяготимся ими и жаждем веры — дети скорее поймут и больше полюбят нас в нашей слабости, в наших сомнениях, чем в нашей неправде. И уж конечно, в такой обстановке сокровище веры скорее раскроется в сердцах детей наших, чем в обстановке показной и лживой религиозности. И сомнения — если они серьёзны и искренни — не страшны: глубокая вера всегда проходила через горнило сомнения. Не забудем, что и у многих учеников Христовых их вера в Божественного Учителя, запечатленная их кровью, прошла через сомнения. И Христос не осудил и не отверг — ни Фому в его упорном сомнении, ни отца бесноватого отрока в его душевном разладе, вырвавшем из его груди крик: *Верую, Господи! Помоги моему неверию* (Мк. 9, 24)»⁴.

---

⁴ *Иоанн Артоболовский, свящ.* Воспитание как подвиг. *Изд. 19...* С. 5–7. Пунктуация и

В годы работы о. Иоанна в Училище в семье Артоболевских родились две дочери: Елизавета в 1907 году и Зинаида в 1910 году.

Дети отца Иоанна. Слева направо: Зинаида, Елизавета, Иван, Сергей

В августе 1911 года отца Иоанна назначают на должность профессора Московского сельскохозяйственного института⁵, а затем заведующим кафедрой богословия. Указом высокопреосвященнейшего Владимира (Богоявленского) с сентября 1911 года отец Иоанн становится также настоятелем домово́й церкви святых Первоверховных апостолов Петра и Павла при Сельхозинституте.

В 1911 году совет Московского сельскохозяйственного института третий раз избрал о. Иоанна профессором богословия. По воспоминаниям сына, известного ученого И.И. Артоболевского, отец дважды до этого избирался на эту должность, но не утверждался министром просвещения, который считал его либералом, могущим оказать вредное влияние на студентов. По существовавшему тогда Уставу сельхозинститута, при третьем избрании министр должен был утверждать кандидата, выбранного институтским Советом.

некоторые черты стиля выступления о. Иоанна приближены к нормам современного русского языка.

⁵ При ее основании, в 1865 году, была названа Петровской сельскохозяйственной и лесной академией (по месту ее расположения в Петровском-Разумовском, где арендовалось здание усадьбы, с 1860 года перешедшее в казну); с 1894 по 1917 год стала называться Московским сельскохозяйственным институтом; с 1917 года вновь Петровской сельскохозяйственной академией; в 1923 году ей было присвоено имя К. А. Тимирязева: Тимирязевская сельскохозяйственная академия (ТСХА); сокращенное название в годы новейшей истории: РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева.

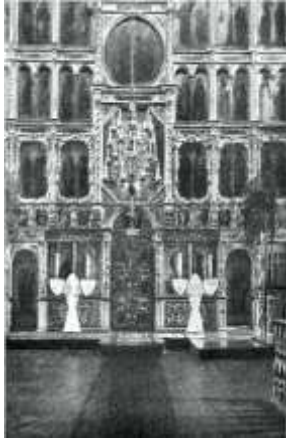

И.А.Артоболевский с орденом св.Станислава III степени.

Петропавловский храм был построен в стиле Нарышкинского барокко. Его храмоздателями были Нарышкины, родственники Петра Первого, некогда посещавшего этот храм. Сохранился Апостол с его автографом, который царь читал на службе. Очень красивым был резной алтарь. Медальоны царских врат, изображавшие святых Льва и Наталью, являлись портретами Льва и Натальи Нарышкиных.

Храм святых апостолов Петра и Павла в поместье Нарышкиных

Иконостас храма

Дворец Нарышкиных. Вид со стороны парка

До революции храм принадлежал правлению Московского сельскохозяйственного института. Посещали его в основном профессора и преподаватели, студенты и служащие института. Жители ближайшего села Лихоборы были приписаны к приходу Головинского монастыря. Хором, состоявшим из студентов, руководил известный лесовод профессор Г.М. Турский⁶. Управление хором левого клироса, чтение Апостола и другие обязанности нес не менее известный профессор метеорологии П.П. Борисов.

В те годы о. Иоанн с матушкой и четырьмя детьми жили в Петровско-Разумовском, на «казенной квартире». По воспоминаниям И. И. Артоболевского, дом был старый, деревянный; внизу было шесть комнат, а на втором этаже — две комнаты. Кроме того, существовала летняя пристройка; на кухне была русская печь, во дворе стояли старая конюшня, сарай и другие хозяйственные постройки. Отец Иоанн обновил фруктовые и ягодные посадки при доме, благодаря этому в последующие годы сад стал плодоносящим и хорошо ухоженным.

---

⁶ Могила профессора Е.М. Турского находится в лесопарке «Тимирязевский», на холме недалеко от пруда.

Дом священника Иоанна Артоболевского. 1990-е годы

В доме Артоболевских всегда было много народу. Приходили ученики о. Иоанна, среди которых были братья Николай Иванович и Сергей Иванович Вавиловы, приезжали однокашники о. Иоанна, работавшие в провинции. Постоянно жили племянники и племянницы, учившиеся в ВУЗах столицы.

Дети отца Иоанна с братом отцом Владимиром

Блестяще зная философию, отец Иоанн живо и увлекательно читал лекции, собиравшие полные аудитории, и был одним из самых популярных профессоров. Являясь постоянным членом Московского философско-религиозного общества, в лекциях он излагал историю

развития философских учений с древних времен. Много внимания уделял теориям Канта, Гегеля, Фейербаха, модного тогда Ницше, В. Соловьева, Бердяева, Франка, Лосского, Флоренского и др. Одновременно с этим затрагивал многие проблемы психологии и этики, причём подробно разбирал сочинения Белинского, Чернышевского, Добролюбова, мировоззрения Достоевского и Толстого. Вообще литературе, как русской, так зарубежной, в лекциях уделялось очень много внимания. Будучи специалистом по истории и археологии, отец Иоанн приводил много примеров из истории России. Таким образом, это были лекции не столько по богословию, сколько по введению в философию и психологию.

Батюшка был высокообразованным человеком: в совершенстве владел латынью, греческим, древнееврейским языками, французским и немецким, очень увлекался историей. В Московской духовной академии он слушал лекции В.О. Ключевского, который очень хорошо и любовно относился к своему «молодому земляку и ученику» (оба они происходили из села Проказна) и часто бывал в их доме. Обычно Ключевский привозил с собою известных общественных деятелей, ученых, историков, философов и богословов. Отец Иоанн был знаком и с профессорами Кизеветтером, Бердяевым, Айхенвальдом, Челпановым, Флоренским, с которыми встречался на заседаниях Философско-религиозного общества. Он являлся также профессором Народного университета имени Шанявского, в котором читал лекции студентам Рижского Политехнического института, эвакуированного в 1916 году в Москву. В бытность профессором Московского сельскохозяйственного института о. Иоанн изучил и описал историю имения Нарышкиных, которым некогда являлось Петровско-Разумовское, слушал лекции в Московском археологическом институте, много работал в архивах.

Занимался о. Иоанн и общественной деятельностью: несколько лет он был членом правления Сельскохозяйственного института, участвовал в разработке планов его развития и строительства, создания научно-экспериментальных баз. Особенно много внимания о. Иоанн уделял расширению институтской библиотеки, проведению научно-популярных лекций, музыкальных вечеров и других культурно-массовых мероприятий, организации питания студентов. В годы Первой мировой

войны он участвовал в создании лазаретов, собирал средства для раненых.

Священник Иоанн Алексеевич Артоболевский в кругу родных. Крайний справа его брат – Владимир.

К 50-летию Тимирязевской академии, который пришелся на 1915 год, отец Иоанн в юбилейном журнале опубликовал свою речь. В частности, он говорил: «Как зарево пожара или блеск молнии часто освещают пред нами “от края до края” таинственные глубины небесного свода, так в ниспосланном нам озарении этой войны мы увидели самые потайные механизмы западной цивилизации, мы увидели сразу всю Вавилонскую башню западной культуры, до самой ее вершины, и с высоты этой башни мелькнуло для нас что-то совершенно новое, неожиданное, повергшее нас в недоумение и ужас. Некогда лестница Иакова соединяла небо с землей, и на вершине ее утверждался Бог; и понял Иаков, что земля должна быть домом Божиим. А на вершине башни Вавилонской, предназначенной упразднить небо на земле, заменить для людей небо только землей, земным, различили мы в ниспосланном озарении войны искаженное злобой лицо человека, которое вне Бога и без Бога потеряло подлинную красоту человеческую, потеряло образ Божий и приняло образ зверя (Откр. 13, 15). И изрыгает

этот человекозверь глаголы гордые и хульные: *Кто подобен мне? И кто может сразиться со мной?* (Откр. 13, 4–5). *Взойду на небо, выше звезд Божиих поставлю престол мой; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему* (Ис. 14, 13–14). И изощряется он погубить не только нас, но и «святых наши», которые были и раньше нас, — великие святые богоподобного духа человеческого: и веру и любовь, и свободу и правду. И нужно ли удивляться этому? Не к этому ли вел весь продолжительный процесс созидания *башни Вавилонской*? В упоении внешним успехом этого созидания мы не всегда были способны опознать или углубиться во внутренний сокровенный смысл его; пророков же, особенно своего отечества, когда они начинали говорить об этом, мы или не принимали, или не слушали, или не хотели понять. А между тем в этом процессе созидания постепенно вытеснялись, искажались, умалялись не только святые духа, но и сама святость человеческого духа как носителя их... И загорелось над миром кровавое зарево небывалой, исключительной войны — священной войны — за спасение духовных сокровищ человечества. Одни из строителей открыто подвергли их сознательному поруганию и попранию, а другие — готовы были и должны были прийти к тому же, но, когда увидели свой будущий облик в зеркале средней (срединной) Европы, с ужасом отшатнулись от него, почувствовали как никогда раньше всю неизмеримую высоту и ценность этих духовных сокровищ для блага человечества, а отсюда — необходимость стать на защиту их.

Эта защита потребует, может быть, долгих и напряженных усилий, но никто из нас нимало не сомневается, что рано или поздно «низвержен будет Вавилон», что «пойдет в плен тот, кто на других хотел наложить узы плена» (ср. Откр. 13, 10), кто *волшебством своим ввел в заблуждение все народы* (Откр. 18, 23). Мы верим, что окажется нищим и жалким тот, кто говорил: *я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды* (Откр. 3, 17), [тот], *купцы которого были вельможами земли* (Откр. 18, 23). Мир верит в победу Духа, ибо он знает в прошлом величайшую победу Духа над косной материей, над последним врагом — смертью (ср. 1 Кор. 15, 26), ибо он [мир] больше научился теперь верить в Того, Кто сказал: *Дерзайте! Я победил мир* (Ин. 16, 33).

Но будет ли прочной эта победа, если мы, победив силою оружия того, кто дерзновенно попирает великую идею Духа и духовные сокровища человечества, не утвердим в своем собственном сознании их подлинную абсолютную действительность, их действительно несравненное значение и ценность; если мы сами не придем к твердому и глубокому убеждению, что Дух есть вечная основа мира, подлинная основа жизни, что человечество может развиваться и жить истинно человеческой жизнью только тогда, когда это развитие и жизнь будут направляться в конечной своей цели- к осуществлению законов и

предначертаний Абсолютного разумно-свободного Духа, Который открылся миру в Лице Богочеловека — Христа»⁷.

Годы служения в сельхозинституте стали для отца Иоанна высочайшим апогеем его трудовой и научной деятельности.

В 1917 году Московский епархиальный съезд избрал о. Иоанна членом Поместного Собора, и он принимал участие в работе отделов богослужения и преподавания богословия в высших учебных заведениях.

Но грозные годы после октябрьского переворота тяжким бременем и испытанием легли на всю семью Артоболевских.

Отец Иоанн Артоболевский с митрополитом Крутицким Петром (Полянский)

⁷ Иоанн Артоболевский, свящ. Прошлое и будущее. С. 7–8, 10–11.

Отец Сергей Артоболевский также имел звание профессора богословия и в дореволюционные годы тоже был известным духовным писателем. В 1913 году отец Сергей был избран ректором Витебской духовной семинарии; к этому времени у него было пятеро детей. Он стал последним ректором этого училища: в 1918 году семинарию закрыли, а отец Сергия арестовали в качестве заложника и посадили в тюрьму. Как пишет об этом событии И.И. Артоболевский, только вмешательством Ленина протоиерей Сергей был освобожден из заключения; однако в тюрьме слабое здоровье священника было окончательно подорвано, и вскоре в 1920 году он скончался от туберкулеза.

Другой брат отца Иоанна, Владимир, учился также в Пензенской семинарии и после рукоположения до 1929 года служил на родине. Известно, что жизнь свела его со сщмч. Иоанном (Поммером), архиепископом Пензенским, который наградил отца Владимира набедренником. В 1919 году отец Владимир был удостоен звания протоиерея. Дальнейшее его служение проходило в Москве и Московской области: вначале в храме апостола Иоанна Богослова в Глинках (до его закрытия в 1934 году), а затем в храме свт. Николая в г. Лосино-Петровский в Подмосковье. В 1935 году протоиерей Владимир Артоболевский служил на Ивановском погосте.

Протоиерей Владимир Артоболевский

В тридцатые годы Пензенская епархия переживала тяжелые времена. С одной стороны, большевики обрушили массовые репрессии на ее служителей, с другой — шла внутрицерковная борьба с обновленцами и раскольниками-«григорианцами». В 1931 году был арестован последний епископ епархии Кирилл (Соколов), а к концу 1937 года было репрессировано всё руководство Пензенской епархии. В январе 1938 года по благословению высшей церковной власти в Пензу из Москвы вернулся отец Владимир Артоболевский для окормления верующих, осиротевших

без архиепископского участия. На некоторое время духовная жизнь в епархии вновь ожила, однако в сентябре 1939 года отца Владимира арестовали и осудили на семь лет лишения свободы. Сведения о смерти протоиерея Владимира Артоболевского противоречивы: по одним данным, он был расстрелян в Екатеринбурге в 1940 году, а по другим — умер в пензенской тюрьме в 1941 году.

Отец Иоанн с семьёй в 1920 –е годы.

Вернемся к жизнеописанию священномученика Иоанна. В 1918 году кафедра богословия в Петровской сельскохозяйственной академии была упразднена, но отец Иоанн продолжал служить в Петропавловском домовом храме; в 1919 году он был возведен в сан протоиерея. После окончания Гражданской войны большевики по инициативе Ленина, опасаясь потерять власть, начали репрессивные операции по высылке инакомыслящей интеллигенции за границу. Подготовка к этому началась в мае — июне 1922 года. К участию в репрессивных операциях были привлечены такие деятели революции, как Сталин, Дзержинский, Каменев, Менжинский, Уншлихт. Ленин писал Сталину: "Комиссия должна представить списки, и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго». Списки составил Уншлихт. Около двухсот человек: профессора, учёные и писатели, историки и философы, врачи и инженеры, кооператоры и финансисты — лучшие представители русской интеллигенции были обречены на изгнание со своей Родины. Седьмым в этом списке значился профессор Петровской сельскохозяйственной академии Артоболевский Иван Алексеевич с краткой характеристикой: "Бывший профессор богословия, лишился кафедры со дня Октябрьской революции, но всё время поддерживал тесную связь с академией. По убеждению монархист. Был руководителем Союза крестьянского студенчества в академии. Все его проповеди носят ярко черносотенный характер. Произвести обыск, арест и выслать за границу". Основная репрессивная операция была

проведена с 16 по 18 августа в ночные часы. Отца Иоанна арестовали в ночь на 17 августа 1922 года и заключили во Внутреннюю тюрьму ГПУ. Отвечая на выдвинутые против него обвинения, священник сказал: «В православном кружке христианской молодежи — студентов бывал около пяти раз в качестве гостя в конце 1921 года и начале 1922 года. Руководителем его я не был. В одно из воскресений Великого поста, перед изъятием ценностей, мною было без всяких комментариев прочитано послание Патриарха Тихона. Считаюсь преданным суду Революционного трибунала по обвинению в агитации против советской власти. Сознательно я никогда во время проповедей не касался политических тем, но возможно, что иногда приходилось указывать на тяжелое положение страны, голод и прочее».

Следователь писал: «Рассмотрев дело о гражданине Иване Алексеевиче Артоболевском, бывшем профессоре Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии по кафедре богословия, обвиняемом в использовании своего положения священнослужителя с целью контрреволюционной агитации во время проповедей в храме и в частном быту, в организации в Петровской сельскохозяйственной академии кружков христианской молодежи, в руководстве и придании им черносотенного характера, в разлагающей деятельности среди студенчества в виде постоянной антисоветской и антикоммунистической пропаганды, облеченной в религиозную форму, в распространении и чтении в церкви провокационного послания Тихона перед изъятием ценностей, то есть в пассивном сопротивлении изъятию, и в том, что с момента Октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение пяти лет рабоче-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в моменты внешних затруднений для РСФСР он свою контрреволюционную деятельность усиливал, — нашел, что всё вышеизложенное материалами, имеющимися в деле, подтверждается. И посему, на основании статьи 2 литер Е положения о ГПУ от 6.02.1922 года, полагаю: в целях пресечения разрушительной антисоветской деятельности гражданина Артоболевского Ивана Алексеевича выслать его из пределов РСФСР за границу, но, принимая во внимание его заявление с просьбой о разрешении добровольного выезда за свой счет, из-под стражи освободить, обязав его подпиской о выезде за границу в семидневный срок».

В своей книге сын отца Иоанна, И. И. Артоболевский, вспоминает об этих событиях: «Когда его вызвали на первый допрос к следователю или какому-то другому крупному деятелю ВЧК и сообщили, что он должен в 48 часов покинуть с семьей Россию, то он категорически отказался уезжать, заявив, что если считают необходимым его выслать из России, то пусть его высылают как всех ссыльных по этапу. Добровольно ехать он отказывается. Через два дня его вызвали вновь к какому-то более крупному работнику ВЧК, который сообщил ему, что в эмиграции он снова вернется к своей профессорской деятельности, а члены семьи

смогут продолжать образование. Отец стоял на своём, что он русский и своей родины покидать не хочет». По другим сведениям отец Иоанн стал готовиться к переезду в Ригу, но был вновь арестован.

21 августа 1922 года Коллегия ГПУ постановила выслать о. Иоанна «из пределов РСФСР за границу... Освободить на семь дней с обязательством явки в ГПУ по истечении указанного срока». На основании этого постановления он был освобожден. Однако на следующий день следователь Революционного трибунала в заключении по делу писал: «Как видно из заявления обвиняемого Артоболевского, он, Артоболевский, подлежит высылке из пределов РСФСР как являющийся опасным для общественного правопорядка и могущий причинить ущерб диктатуре рабочего класса... по настоящему делу Артоболевскому грозит тяжелое наказание... поэтому пребывание его на свободе является общеопасным»; необходимо «заключить Артоболевского, священника церкви Петра и Павла в Петровском-Разумовском, под стражу в Таганской тюрьме».

В окончательном заключении по делу от 7 октября говорилось: «В период изъятия церковных ценностей оглашал в церкви с амвона во время богослужения послание бывшего Патриарха Тихона, призывающее к сопротивлению изъятию церковных ценностей... с момента Октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России рабоче-крестьянской властью, но остался ее врагом... Материал в отношении Артоболевского достаточно полный, и следственных действий более производить не требуется... Материал о священнике представить в Московский Революционный Трибунал на предмет приобщения к имеющемуся делу по обвинению Артоболевского в контрреволюционной деятельности».

Дело было передано в ревтрибунал. На процессе, проходившем в Москве в ноябре — декабре 1922 года, отец Иоанн виновным себя не признал и был приговорен к трем годам тюремного заключения, но постановлением ВЦИК освобожден в январе 1923 года.

Из воспоминаний И.И. Артоболевского: «Перед закрытием храма произошел еще один эпизод, трагический для моего отца. Было принято постановление Советского правительства об изъятии ценностей в церквях. В церкви сохранились некоторые старинные иконы петровских времен, Апостол с личным автографом Петра Первого. Отец как историк очень дорожил этими древними реликвиями, и, когда стали отдирать серебряные крышки Апостола, он стал протестовать. В результате он и два профессора, присутствовавшие при этом — Борисов и Турский, — были арестованы. Все трое предстали перед судом в качестве церковников, оказавших сопротивление советской власти. Процесс происходил в здании Верховного суда на Тверском бульваре. В своей обвинительной речи прокурор А.Я. Вышинский громил профессоров Борисова, Турского и примкнувшего к ним Артоболевского как контрреволюционеров, замышлявших ликвидировать советскую власть. Следствие велось с фальсификацией показаний, очных ставок не

устраивалось. Папе просто предложили без допроса и расследования подписать подготовленный следователем протокол. Он отказался это сделать, так как был человеком очень принципиальным и сильным духом. На процессе отец заявил, что он не подписывал никаких документов на следствии. На это Вышинский закричал на него, что у него как прокурора есть протокол допроса с подписью отца, однако отказался показать этот документ защитнику В. В. Коммодову. Профессора Борисов и Турский были приговорены к пяти годам тюрьмы. Вышинский так «хорошо» ознакомился с делом по обвинению и документами, что в обвинительной речи сообщил, что требует для Артоболевского только трех лет тюрьмы, так как он «недостаточно образован» и был распропагандирован профессорами Борисовым и Турским. Через неделю после процесса я и мой брат написали на имя М.И. Калинина заявление, в котором подробно излагали дело отца... Через две недели отец был освобожден, будучи помилованным Верховным Советом. Через месяц освободили профессоров Борисова и Турского».

В 1924 году отец Иоанн был награжден митрой и включен в состав Высшего Церковного Совета при Святейшем Патриархе Тихоне. В те тяжёлые времена для Церкви совет практически не работал в связи со слабой посещаемостью его членов. Однако в Московских церковных ведомостях №3 за 1925 г. отмечено, что из московского священства регулярно в работе собора участвует о. Артоболевский. В 1924 году после закрытия Петропавловского храма⁸ отца Иоанна назначили сначала настоятелем храма мучеников Адриана и Наталии в Мещанской слободе, а затем через год настоятелем Введенского храма в Черкизове.

Винный магазин в храме

---

⁸ Петропавловский храм сначала использовали под склад или нечто подобное, а потом разрушили; ныне на месте храма стоит памятник В.Р. Вильямсу, бывшему в послереволюционные годы ректором Тимирязевской академии.

Вид храма апостолов Петра и Павла после закрытия

Храм св. Марии Магдалины в Черкизове

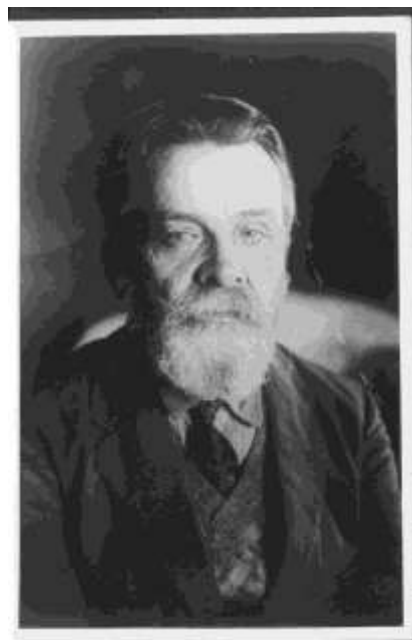
Храм мучеников Адриана и Наталии в Мещанской Слободе

В эти годы отец Иоанн жил на частных квартирах, один, изредка приезжая к семье в Лихоборы (1-й Лихоборский пер., д. 3, кв. 1). В 1931 году отец Иоанн по состоянию здоровья ушёл за штат и окончательно переехал к жене и детям. 28 января 1933 года его снова арестовали и заключили в Бутырскую тюрьму. Вместе с ним было арестовано тринадцать человек. Все они обвинялись в том, что собирались для бесед на религиозные темы, на которых будто бы вели антисоветскую пропаганду. Следователи, однако, не сумели выдвинуть сколько-нибудь основательных обвинений. На допросе о. Иоанн сказал, что в 1922 году участвовал в собраниях Союза христианской молодежи, которые проходили в помещении Тимирязевской академии. Основной задачей кружка являлось воспитание молодежи в религиозно-нравственном духе. «Участниками кружка являлись студенты высших учебных заведений, но фамилий их я не помню», — сказал батюшка. Подписывая протокол, он написал: «В христианском кружке молодежи никаких бесед на церковно-философские темы я не вел, да там их и вообще не было. Все дело там сводилось к истолкованию Слова Божия (отдельных мест и отрывков), совокупному обмену мыслями по поводу прочитанного стиха или отрывка. В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю».

В марте Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило протоиерея Иоанна к трем годам ссылки в северный край — в Вологодскую область. Однако, по свидетельству сына, отсидев 50 дней в Бутырской тюрьме, отец Иоанн вернулся домой. В храме он больше не служил, а устроился на работу корректором. В эти годы о. Иоанн продолжал общаться с сотрудниками Тимирязевской академии и священниками ближайших окрестностей. Он довольно часто встречался с

отцом Василием Лихаревым⁹.

Протоиерей Иоанн Артоболевский.
Москва, тюрьма НКВД. 1938

Протоиерей Иоанн Артоболевский. Москва, тюрьма НКВД. 1938

Очередной, третий арест последовал 22 января 1938 года. Отец Иоанн вновь был заключен в Таганскую тюрьму. Справка на арест гласила: «В 4-й отдел УГБ УНКВД МО поступили сведения, что бывший

---

⁹ Впоследствии священномученик, расстрелян в Бутово.

Существует предположение, что отец Василий Лихарев был женат на Елене Артоболевской, сестре отца Иоанна. Однако в воспоминаниях сына отца Иоанна — Ивана Ивановича, сообщается, что Елена Артоболевская была замужем за священником А.С. Урановым; да и в следственном деле имя жены отца Василия Лихарева — Надежда Михайловна.

активный деятель «ИПЦ»¹⁰ — член поместного собора православной церкви, бывший профессор Тимирязевской с/х академии — поп Артоболевский Иван Алексеевич в узком кругу своих единомышленников проводит глубоко законспирированную к-р церковную деятельность. Артоболевский заявлял: «Никогда еще в истории так не страдал русский народ, как страдает сейчас, но что делать. Наш русский народ — православный богоносец. Придет время, он покажет своё и свергнет иго безбожное. Так, я из истории вспоминаю 1612 год, когда московский Кремль был занят нечестивыми поляками. Тогда русский православный народ стонал под этим игом и с помощью божьей освободил московский Кремль. Ну а теперь какая разница: где наш святой Кремль и святые соборы и все наши святыни? Разве не в таком же другом плену? В этом нет никакой разницы. Я горячо верю в то, что русский народ скоро осознает свою ошибку и заблуждение и стряхнет это ярмо, которое надели ему люди, не знающие бога» (стиль, орфография и пунктуация оригинала сохранены). Первый допрос состоялся 27 января, второй — 2 февраля. Донос на него написали бывшие сослуживцы — “служители культа”: “Артоболевский Иван Алексеевич враждебно настроен к Советской власти, среди окружающих его лиц проводит глубоко законспирированную контрреволюционную деятельность... Считает, что православная церковь должна перейти на нелегальное положение, так как Советская власть ополчилась на духовенство как никогда...”

На допросе следователь спрашивал:

— Что такое академический день?

— Постановлением советского правительства была закрыта Московская духовная академия; мы, воспитанники пятидесятого курса Академии, живущие в Москве, в память о Духовной академии собирались на молитвенные собрания и товарищеские обеды, — ответил отец Иоанн.

— Какие обсуждались вопросы на ваших собраниях?

— На наших собраниях мы делились воспоминаниями из академической жизни и обменивались мнениями по вопросам церковной жизни, службы и так далее.

— Для какой цели вы хранили антиминос?

— Антиминос я хранил как память об отце-священнике, а кроме того, возможно, и мне пришлось бы служить на нем литургию, ответил священник.

На этом допрос был закончен. 14 февраля Тройка НКВД приговорила отца Иоанна к расстрелу. Протоиерей Иоанн Артоболевский был расстрелян 17 февраля 1938 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой. НКВД усердно старались исполнить требования расстрельных квот, «спускаемых» вышестоящим

---

¹⁰ «ИПЦ» — Истинная Православная Церковь: ее члены выступали за восстановление монархии и не состояли в оппозиции митрополиту Сергию. Их называли настоящими сынами Церкви.

начальством. В этот день было убито 502 человека; 25 из них причислены к лику святых, в их числе 20 человек — священнослужители.

Родственникам сообщили, что отец Иоанн осужден, по одним сведениям — на восемь, по другим — на десять лет ссылки «в отдаленные районы СССР, без права переписки». В течение нескольких лет родные обращались во все инстанции с просьбой пересмотреть дело, но отовсюду получали отказ.

Отца Иоанна уже давно не было в живых, а сотрудник следственной части Управления НКВД в постановлении от 28 мая 1940 года писал: «В своем ходатайстве о пересмотре решения по делу жена осужденного АРТОБОЛЕВСКОГО — АРТОБОЛЕВСКАЯ З. никаких убедительных доводов, могущих служить основанием для пересмотра решения по делу, не приводит. Находя, что к-р деятельность АРТОБОЛЕВСКОГО материалами дела доказана, и руководствуясь приказом НКВД СССР и Прокурора Союза ССР от 23/IV-1940 года за № 0165,

ПОСТАНОВИЛ:

Решение быв. Тройки при УНКВД МО от 14/II-1938 года в отношении АРТОБОЛЕВСКОГО Ивана Алексеевича — ОСТАВИТЬ В СИЛЕ».

И.И. Артоболевский пишет: «После 1953 года я получил из Прокуратуры СССР приглашение прийти туда, к одному из ответственных работников Прокуратуры, который передал мне бумагу о реабилитации отца за отсутствием состава преступления. Этот товарищ дал мне возможность ознакомиться с делом. В нем я нашел два доноса, написанных людьми, которых я немного знал. Доносы были нелепыми, ложными и очень злыми. Чувствовалась рука профессиональных доносчиков, которых в сталинские времена было множество. Прокурор сообщил мне, что отец держался на допросах героически, ничего не признал, несмотря на применявшиеся к нему методы допроса, распространенные в то время».

В 2007 году руководство РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева обратилось в Патриархию с просьбой об устройении домовый церкви при Академии. По благословению Святейшего Патриарха Алексия II работы по строительству проводил приход храма свт. Митрофана Воронежского на Хуторской улице. С 2009 года в домовый церкви сщмч. Иоанна Артоболевского совершаются богослужения.

6. мая 1958 г.

№ 3/1-70077-40

ПРОКУРАТУРА
 Союза Советских
 Социалистических Республик
 Москва, Пушкинская, 15-а

Цесова, ул. Горького дом № 9, кв. 36
 Академику АРТОВОЛЕНСКОМУ И.И.

Сообщая, что по протесту Заместителя Генерального
 Прокурора СССР, постановлением Президиума
 Московского Областного суда от 25 апреля 1958 года
 Ваш отец Артоволенский Иван Алексеевич по делу, по
 которому он был осужден в 1938 году, реабилитирован.

ПРОКУРОР ОТДЕЛА ПО НАДЗОРУ
 ЗА СЛЕДСТВИЕМ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
 БЕЗОПАСНОСТИ ОТ СОВЕТНИК ВСТУПИЛИ

 МАЯТНИК

4/3-58г.
ка

СССР
 НКВД

УПРАВЛЕНИЕ
 по Московской области

ДЕЛО № 3318

*По обвинению Артоволенского Ивана
 Алексеевича по ст. 58 и 10-1 УК РСФСР*

36 8318

ТОМ № _____

Начато " _____ 193 г.
 Окончено " _____ 193 г.
 Количество томов _____

*Внутренний вид храма св.мч. Иоанна Артоболовского при РГАУ —
МСХА им. К.А. Тимирязева*

День памяти: 4/17 февраля, Новомучеников Бутовских,
Новомучеников и Исповедников Российских.

Тропарь, гл. 4

**Нивы церковныя благодатный класс/ плод сторичный яве приносит/
воспитуя глаголом духовным верныя/ укрепляет надеждою небесных/
манною богомыслия насыщает/ Тихону Святейшему сороботник
мудрый/ вся претерпевает злострадания/ сладкословесный свидетель
Истины Иоанн// молитвенник о душах наших.**

Кондак, гл. 4

**Сямя Божия звания восприим / доброю землею своего сердца /
умножал еси веры сеяние, Иоанне мудрее / мольбами же слезными
ниву Церкви орошая, / жатву ангелов многоусугубил еси, / иже
классы восприяша праведных душ, // возделанных тобою ,
священнострадальче.**

БИБЛИОГРАФИЯ

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Тверь: Булат, 2002. Январь–май. С. 52–58.

Артоболевский И.И. Жизнь и наука. Воспоминания. М.: Наука, 2005.

Сергей Голубцов, протодиакон. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. М., 1999.

Архив УФСБ РФ по Москве и Московской обл. Арх. № 11013.

«Очистим Россию надолго»: К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Отечественные архивы. № 1. 2003.

Прекрасный дар еврейства // Проза .ру.

Дворжанский А., Зелёв С., Владимир Ключев, прот. Праведный верою жив будет: Пензенский мартиролог пострадавших за веру Христову. Пенза, 2014. С. 34–37.

Пензенские хроники. Массовые гонения. (penzahroniki.ru) . С.328.

Артоболевские. onlinedics.ru

Семейный архив Е.С. Артоболевской.

Московские Церковные ведомости № 3, 1925 . С.5.